

Вигго МОРТЕНСЕН:

«Наш фильм мыслит универсальными категориями»

Сьюзен ХОУАРД

Актерские пробы

Вигго Мортенсен пришел на съемочную площадку «Властелина колец» позже других актеров: уже после начала съемок он заменил Стюарта Таунсенда, когда у того возникли творческие разногласия с режиссером Питером Джексоном. Но несмотря на некоторую случайность появления Мортенсена на съемочной площадке, он великолепно вписался в коллектив и стал идеальным Арагорном.

— Как ваш сын относится к тому, что его отец стал образцом для подражания?

— Мой сын относится ко мне со здоровой непочтительностью, как и должно быть. Ему 15 лет, а если ребенок в этом возрасте не питает здоровой непочтительности к представителям предыдущего поколения, значит, с ним что-то не в порядке. У нас хорошие дружеские отношения, и он даже в чем-то помогал мне. Работа над фильмом продолжалась четыре года, с перерывами, и мне то и дело приходилось возвращаться на съемочную площадку. Сын видел первые два фильма, я показал ему длинные версии первых серий и услышал от него довольно неожиданные комментарии. Он часто приезжал на съемочную площадку, и ему было очень интересно смотреть, как проходят съемки. Он увлекается восточными единоборствами, а когда ему что-то по-настоящему интересно, он старается вникнуть как можно глубже.

— А кто лучший специалист по Среднеземелью — он или вы?

— Думаю, он знает про орков и эльфов больше меня. По крайней мере, он знает абсолютно все про их боевые стили. Он принимал участие в работе каскадерской группы. Более того, мне пришлось с ним сражаться. В битве в первой серии он был орком — большим злым орком. В третьей серии он был гондорцем, одним из парней в шлемах. Мы шутили, что он стал двойным агентом. Ему понравилось снимать.

— А чьи еще родственники снимались в трилогии?

— Питер Джексон устроил настоящее семейное мероприятие. Все члены съемочной группы в этом поучаствовали. Если кто-то не был занят работой по ту сторону камеры, его отправляли в массовку. Если к кому-то приезжали родственники или друзья — их отправляли воевать. Мы смотрим этот фильм как фотоальбом. «Смотри, это Джими! А это — Боб!» Насколько я знаю, дети Питера тоже снимались. Дочка Шона Остина — тоже. И многие другие. В Новой Зеландии живет не так уж много народу, нам был ценен каждый человек.

— Вы бы не могли рассказать о том, как развивается ваша карьера певца?

— Я записал несколько новых композиций с Бакетхэдом, сын мне помогал. Самым неожиданным было участие в последней записи трех хоббитов. Я почти закончил альбом, и ребята спросили меня, что я делаю на уикэнд. Я ответил, что микширую альбом в Сиднее. «О, ты записал альбом? А с кем? С Бакетхэдом? Мы хотим его увидеть! Мы хотим поучаствовать». Я согласился, потом позвонил Бакетхэду и сказал, что в ближайший уикэнд мы вряд ли сможем сделать что-нибудь дельное, но зато здорово развлечемся. Когда я сообщил ему, кто хочет прийти в гости, он был в восторге, потому что любит трилогию «Властелин колец». В этот день он даже вовремя пришел в студию. Мы устроили джем-сессию на 4 часа. Микшировать ре-

зультат было очень трудно, но оно того стоило.

— Вы в курсе, что стали кумиром женщин?

— Да, тому есть много свидетельств.

— Что это для вас значит?

— Не могу сказать, что мне это не льстит... Ну что я могу ответить? Не знаю. Думаю, через год они переклечатся на кого-то другого. Слава — это нечто, что я не собираюсь впускать в мою жизнь. Это неожиданный результат успеха замечательных фильмов.

— Вас еще ни разу не осаждали поклонницы?

— Пару раз. Все зависит от места. В аэропортах, на премьерах — бывало. Но когда рядом есть пара хоббитов и Орландо Блум, мне, как правило, удается улизнуть. Все внимание направлено на них.

— Изменились ли вы внутренне во время работы над фильмом? Подействовала ли на вас проповедь добродетелей, которая звучит с экрана?

— Думаю, эта работа усилила мои убеждения в том, что люди должны учиться сострадать друг другу, чувствовать ответственность друг за друга, учиться открытости другим мнениям. Все мы очень разные, и ни в коем случае не должны мыслить одинаково, но должны быть открыты к мнению других. И прежде чем думать о том, как решать противоречия в других местах, постараться сначала решить эти противоречия у себя.

— Это намек на текущую политику США?

— Я бы не хотел говорить ни о чем конкретном. Наш фильм мыс-

лит универсальными категориями. Финал фильма нельзя назвать стопроцентно оптимистическим, потому что начинается новая эпоха, эпоха людей, а мы понимаем, что она будет жестокой и кровавой. Да, герои победили, но дорогой ценой — многие заплатили жизнью за эту победу. А те, кто выжил, стали мудрее, но в их душах остались шрамы.

— Как вы лично прочитываете метафору кольца?

— Кольцо — это зло, но не зло само по себе, в возможность пойти по неправильному пути. Эта возможность начинается еще дома, в отношениях Сэма и Фродо, Арагорна и Арвен. Думаю, герои преодолевают власть кольца, когда осознают необходимость объединить усилия. Общая цель важнее личных выгод. И тогда у цивилизации появляется надежда, что люди выберут правильный путь.

— Помимо игры в кино и музыки, вы также занимаетесь живописью и фотографией.

— Да, сейчас в Новой Зеландии проходит моя выставка. Мне очень приятно поделиться с людьми тем, что мне интересно и дорого, показать им, что меня волнует. В Веллингтоне открылась выставка фотографий, я участвовал в чтении своих стихотворений. Обычно такие чтения проводятся в крохотных залах, а тут было столько желающих, что собрался огромный зал. Вместе со мной выступали новозеландские поэты, и мы передали все доходы в фонд местного университета. Конечно, я понимаю, что большинство пришедших были киноманами, и им хотелось

посмотреть на Арагорна живьем. Но важно и то, что они услышали стихи и, возможно, придут на другие чтения. То же самое — с выставкой фотографий. Открытие произошло в самый разгар приготовления к премьере. Я приехал туда с пресс-конференции, и после разговоров о Сауроне мне вдруг пришлось отвечать на вопросы об искусстве фотографии. И многие посетители говорили: «Я еще ни разу не ходил на выставку фотографий, но теперь, наверное, буду ходить». Или: «Я давно собирался купить камеру, но теперь обязательно это сделаю». Это приятно.

— У вас столько интересов, что вас можно смело назвать человеком эпохи Возрождения. Видите ли, вы что-то общее во всех видах самовыражения, в которых вы практикуетесь?

— Мне кажется, что и лицедейство, и поэзия, и фотография, и живопись — все это возникает в результате потребности в общении с другими людьми. Человеку свойственно делиться своими мыслями и переживаниями. Я стараюсь не расставаться с камерой. Я хочу делиться увиденным, придуманным, сочиненным. К тому же разные виды деятельности помогают мозгу переключаться и расслабляться. Я играю в какой-то сцене, а после команды «стоп!» беру фотокамеру и снимаю что-то, что кажется мне забавным. В этот момент я переключаюсь из внутреннего переживания на внешнее восприятие. Так расширяются горизонты, углубляется видение мира.

— По вашему мнению, фанаты книги и фанаты фильма могут найти общий язык?

— Я не могу говорить за других людей, но могу сказать от себя. Я фанат книги и фанат фильма. Я вижу разницу между фильмом и книгой. Временами, если быть честным, я испытываю радость от того, что существуют длинные версии первых двух фильмов, потому что они очень много дают фанатам книг.

— Противники фильма говорят, что в фильме утрачен дух Толкиена.

— Сколько людей — столько и мнений. Я могу сказать только одно — и Питер, и вся съемочная группа приложили максимум усилий, чтобы сохранить дух книг. Я не представляю себе другого режиссера, который смог бы вынести на своих плечах этот проект. Питер великолепно подготовился к съемкам, но предусмотреть все было невозможно. Когда мы должны были снимать лето, шел снег. Когда должно было светить солнце, шел ливень. Но мы не сдавались. Никто не роптал, все были готовы работать сколько нужно, без скидок и поблажек. Знаете, есть поговорка, что жизнь печальна, и изменить ее невозможно — можно лишь изменить свое отношение к ней и считать ее веселой. Можно считать, что наш фильм — иллюстрация этой поговорки. Все члены братства кольца добровольно соглашались на миссию, но даже самые опытные — Гэндальф и Арагорн — не представляют себе, во что они ввязались. Они не знают, сколько бед и потерь им придется пережить. Но в испытаниях выковывается их характер. Они узнают о себе много нового, постигают суть своей природы. То же самое произошло с нами во время съемок. Сколько бы я ни готовился к роли, наиболее точным отражением того, через что прошел герой, был мой собственный опыт. Ты просыпаешься в пять утра, на улице стена дождя, но ты идешь в гримерку, а потом на съемки. И так — каждый день.

Экран и сцена. —

№ 3 (705), январь 2004 года

— 912.

Мортенсен Вигго

11.3.01.04
(912)